

ИСКУССТВО В ТУРКЕСТАНЕ.

Восток, начинающий играть в нашей общественной и политической жизни весьма заметную роль, должен будет, несомненно, украсить нашу советскую культуру в свои яркие, насыщенные цвета. И особенно это выразится в искусстве—одном из наиболее могучих и важных факторов восточной культуры. Русское искусство, некогда пережившее пришествие великих восточных традиций, долго питалось их подпочвенными ручьями. И мы, думается, нисколько не умалим его значения, если скажем, что восточные элементы в нем всегда доминировали над другими и являлись наиболее эмоционально-актуальными. На всех достижениях русского искусства лежит печать Азии, той экзотики, которую отметила в нем и западно-европейская критика. И нужно полагать, что эта особенность успела уже принять чисто национальную форму и является неотъемлемой чертой русского художественного лика. Вот почему вопрос об изучении восточных традиций для русского искусства является вопросом исключительной важности. И совершенно понятен наблюдающийся в последнее время интерес ко всему, что сохранилось от великой мусульманской художественно-материальной культуры, ибо в каждом предмете чувствуется здесь дыхание уже неповторимых, великих традиций.

Несомненно, что самыми ценными памятниками мусульманской культуры являются самаркандские медресе и мечети, имеющие мировое значение. В них встречаются все характерные черты исламского зодчества. Законченность формы, конструктивное единство, тонкое чувство меры, ритм, органически связанные с формой декоративные украшения, знание свойств пластики и светотени и, особенно, чисто-мусульманское умение гармонично связывать каждую постройку с *данной местностью*. В этом отношении особенно выделяются три изумительных медресе, объединенных известной площадью «Регистан»: Улуг-бек (1434 г.) с знаменитым падающим минаретом, один из лучших шедевров исламского зодчества, «Тилля-Кари» и «Шир-Дор» XVII века), как наиболее богатые по форме. Все три медресе покрыты прекрасной майоликовой облицовкой, выдержанной в насыщенно-синих, золотисто-желтых и густо-голубых цветах. Необычайны как по цвету, так и по форме 18 гробниц, расположенных на склоне священной горы Афросиабы и известных под общим названием «Шах-Зинда» (XV—XVII). Сильное впечатление производит также разрушенная землетрясением огромная мечеть Биби-Ханым (1399 г.) и гробница владыки Тимура «Гур-Эмир» (1495 г.).

К сожалению, все указанные памятники за время царской власти, находясь под «покровительством» невежественных чиновников, сильно пострадали. Предоставленные собственной судьбе, они продолжали подвергаться обидным и часто неисправимым разрушениям. Кроме того, широко практиковавшееся раньше систематическое хищение всевозможными предприимчивыми туземцами и подозрительными туристами майоликовых и мраморных плит, представлявших чисто-музейную ценность, лишало порой целые медресе своей драгоценной выразительности. Было время, когда в любой антикварной лавке Самарканда или Ташкента можно было найти больше старинной майолики, нежели в нашем теперешнем центральном музее «Ars Asiatica». Неудивительно, что большинство плит безвозвратно ушло за гра-

ницу и в настоящее время служит украшением западных музеев.

И только с приходом Советской власти были приняты, в срочном порядке, реальные меры спасения и охраны гниющих памятников. Все более или менее ценные медресе и мечети были взяты на учет и привязаны к организованным в Самарканде и Ташкенте комиссиям по охране памятников искусств и старины. Делу была дана окраска государственной важности, и нужно отдать должное первым работникам комиссий—они многое спасли. Советская власть правильно учла остроту и значение этого вопроса для широких мусульманских масс. Спасая мечети и медресе от гибели, она тем самым утверждала и брала под защиту старые традиции мусульманского гения. И действительно, для каждого «дехкана»

(крестьянина) - узбека новая власть являлась символом не только освобождения его от векового гнета «бая» (богача), но и символом защиты, после власти царских колонизаторов, всего поруганного мусульманского и особенно того, на чем были видны следы его великой истории и его национального достоинства.

Отсюда понятен тот исключительный интерес, которым мусульмане окружают даже самую незначительную работу комиссий, и неудивительно, после всего сказанного, что вопрос, например, о реставрации падающего минарета принял общественно-политический характер. Центр это положение вещей учел, очевидно, в первый же момент после очищения Туркестана от белых и делал все возможное для охраны этого города-музея. Достаточно вспомнить, что в самые тяжелые годы Кронштадта и волжского голода комиссия получала по тому времени весьма солидные суммы, чтобы понять насколько серьезно и внимательно в центре относились к судьбе самаркандских памятников. И мы предложили бы всем тем, которые трубят на Западе о большевистском варварстве, съездить на Восток и посмотреть, сколько удалось спасти ценностей, благодаря работникам и средствам центра.

Следует отметить важный факт: новые общественно-политические условия, создавшиеся на Востоке, в значительной степени способствуют и развитию ремесел, которые здесь так разнообразны и которым грозило полное вымирание. Мыслить Восток без его народных ремесел почти невозможно. Наконец, и сам туземный житель еще полон преемственной связи с ними: в любой детали его костюма или головного убора можно это почувствовать. В предметах домашней утвари, его праздничных декоративных украшениях, в музыкальных инструментах, в седлах, в коврах—на всем ощущается налет этих художественных ремесел, похожих скорее на большое искусство.

Необходимо подчеркнуть также характерное явление, наблюдаемое в развитии нового быта на Востоке. Потеряв свою религиозную окраску, некоторые искусства приобрели новые гражданские формы и стали ближе к народным массам. Мы думаем, что следует принять также меры к тому, чтобы накопленные почти веками в Туркестане музыкальные и театральные традиции не погибли и могли найти не только надлежащую охрану, но и благоприятную почву для нового расцвета.

А. Нюренберг.

Музыкант.

ЦЕНА в Москве, провинции и на станциях жел. дор. — 25 копеек.

КРАСНАЯ ШИВА

№ 21

Москва, 25-го мая 1924 г.

№ 21

Фот Кузнецова.

Здание Центрального Комитета РКП, где помещается
весь руководящий аппарат партии.

К XIII
С'ЕЗДУ
РКП (б).

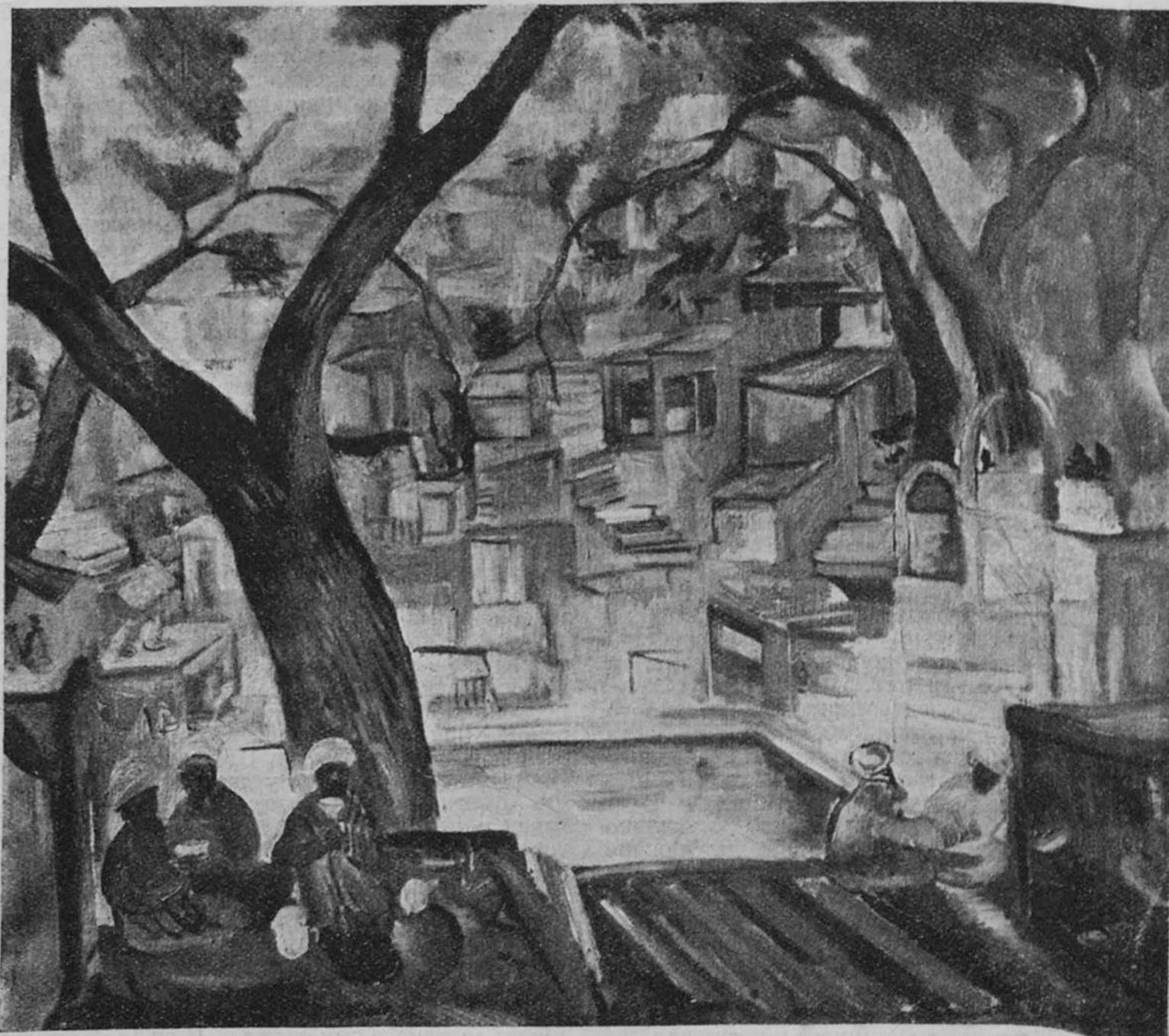
КРАСНАЯ НИВА

— ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ —
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. В. ДУНАЧАРСКОГО и Ю. М. СТЕКЛОВА

№ 21

Москва, 25-го мая 1924 г.

№ 21

П. Кузнецов.

В Бухаре.